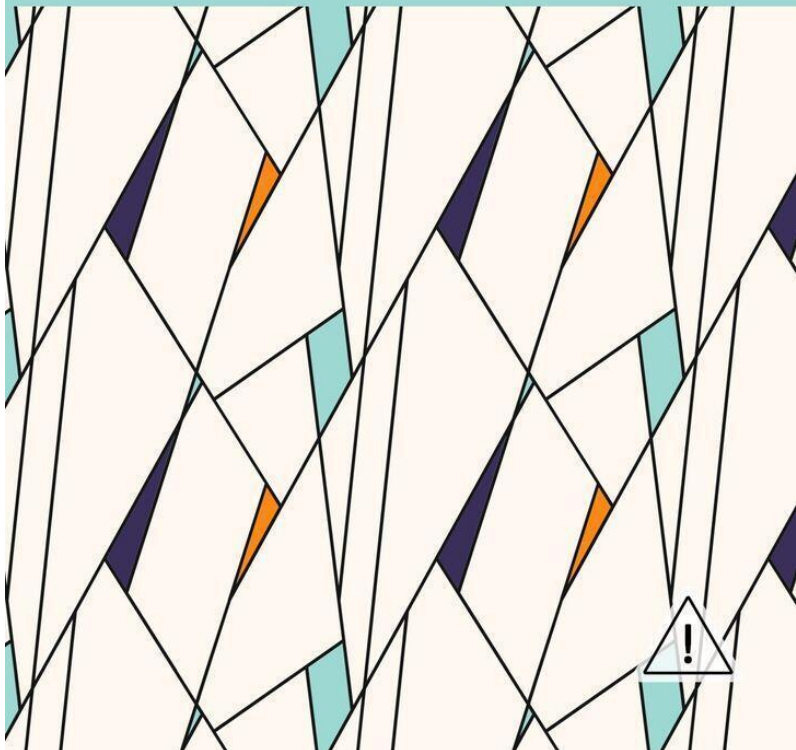

18+

Zaz Lauren

Мемуары Заз

Мир богатых чиновников

Zaz Lauren
Мемуары Заз. Мир
богатых чиновников

<https://litres.ru/74218557>

ISBN 9785007035613

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Мальчик, который в 16 лет рано увидел взрослый мир. Его путь начался во Франции, прошёл через роскошные вечеринки, тёмные улицы Москвы и мир богатых чиновников, где деньги решали всё. Это история о выживании, свободе и поиске себя — путь из Франции в Москву и обратно.

Содержание

ГЛАВА II	9
ГЛАВА III	13
ГЛАВА IV	17
ГЛАВА V	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мемуары Заз

Мир богатых чиновников

Zaz Lauren

© Zaz Lauren, 2026

ISBN 978-5-0070-3561-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАЗ МЕМУАРЫ

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ

Тебе решать, где здесь правда, а где литературная выдумка. Эта книга основана на воспоминаниях, переживаниях и историях автора. Некоторые события сохранены такими, какими они были, а некоторые получили художественное переосмысление.

ГЛАВА I

Меня зовут Заз я родился третьего апреля 1998 года во Angers. Иногда мне кажется, что человек всю жизнь остаётся связанным с местом своего рождения, даже если позже пытается убежать от самого себя. Мой город был красивым. Слишком красивым для тех историй, которые мне однажды придётся пережить. Старые французские улицы. Каменные дома. Цветы на окнах. Тишина. И замки. Во Франции даже воздух иногда кажется старинным. Особенно утром, когда над городом поднимается холодный туман и кажется, будто время остановилось где-то между прошлым и настоящим. Дом, в котором я появился на свет, был огромным. По крайней мере таким он остался в моей памяти. Два этажа. Восемь комнат. Длинные коридоры. Высокие окна. И белая кухня. Эта кухня позже станет сердцем всей моей жизни.

Именно там будут происходить самые важные разговоры. Именно там бабушка будет курить по ночам. Именно там однажды я расскажу ей всю правду о себе.

Но тогда я был всего лишь ребёнком, который ещё ничего не знал о боли.

Моё рождение стало неожиданностью. Мама ждала девочку. Все были уверены, что родится девочка. Были уже выбраны имена. Куплена одежда. Даже детская комната выглядела так, словно в ней должна была жить маленькая принцесса. Но появился я. Бабушка потом рассказывала, что в роддо-

ме все смеялись, когда врачи сообщили новость. — Вот это сюрприз, — сказала акушерка. А мама просто долго смотрела на меня. — У него глаза взрослого человека, — тихо произнесла она. Мне нравится думать, что уже тогда во мне было что-то странное.

Что-то не совсем детское.

Имя мне дала бабушка. Никто не спорил с ней.

Вообще, с моей бабушкой редко кто спорил.

Она вошла в палату в длинном светлом пальто, пахнувшая духами и весной.

Посмотрела на меня. И сказала: — Его будут звать Заз. — Почему? — спросила мама. Бабушка улыбнулась. — Потому что это имя невозможно забыть. Она оказалась права.

С самого детства моя жизнь была связана именно с ней. Не с матерью. Не с кем-то другим. С бабушкой. Так сложилась судьба. Когда мне исполнилось три года, я почти окончательно переехал к ней и дедушке. И с этого момента они стали моим миром. Я рос счастливым ребёнком. По-настоящему счастливым. Иногда сейчас мне трудно поверить, что тот мальчик и я — один и тот же человек.

Утро в нашем доме всегда начиналось одинаково.

Запах кофе. Шум радио. Голос бабушки. И солнечный свет на белой кухне. Дедушка читал газету за столом. Бабушка ходила по дому босиком и курила у окна, думая, что никто этого не замечает. Хотя запах сигарет чувствовали все. Но никто ничего не говорил. Особенно дедушка. Любовь меж-

ду ними была очень тихой. Настоящая любовь почти всегда тихая.

Бабушка была красивой женщиной. Не просто красивой. Такой красотой, которая остаётся в памяти навсегда. Она была наполовину грузинкой и наполовину, как сама говорила, «мировой». — Красивые женщины не принадлежат одной стране, Заз, — любила повторять она. У неё были длинные светлые кудрявые волосы.

Голубые глаза. Тонкие руки. И походка актрисы из старого кино. Она всегда пахла дорогими духами и сигаретами.

Этот запах позже станет для меня запахом дома.

Бабушка шила одежду. Нет. Это даже нельзя было назвать просто одеждой. Она создавала целые образы. Могла часами сидеть за столом и рисовать эскизы. Ткани лежали по всей комнате: бархат, шёлк, кружево. Я часто сидел рядом и наблюдал за ней. — Смотри внимательно,

— говорила она. — Красота спасает человека чаще, чем любовь. Тогда я не понимал её слов. Слишком многое из сказанного бабушкой я пойму только спустя годы. Когда будет уже поздно.

Иногда по вечерам она брала меня за руку, и мы гуляли по улицам Angers. Она знала каждый угол города. Каждое кафе. Каждый старый дом. Каждый сад. Люди здоровались с ней на улицах.

Некоторые оборачивались ей вслед. Даже в возрасте она умела выглядеть так, будто весь мир — её сцена. А я шёл

рядом и думал только об одном: моя бабушка — самый красивый человек на земле.

В детстве мне казалось, что наша жизнь будет вечной. Что всегда будет этот дом. Эта кухня. Этот город. Что бабушка всегда будет сидеть ночью у окна и курить свои сигареты. Что дедушка всегда будет читать газету. Что я всегда останусь ребёнком. Но детство заканчивается раньше, чем человек успевает это заметить. Иногда — в один телефонный звонок. Иногда

— в одном чужом городе. А иногда — в тот момент, когда ты впервые понимаешь, что мир может купить человеческое молчание.

ГЛАВА II

Бабушка Если бы мне пришлось описать свою бабушку одним словом, я бы сказал:

«эпоха». Она не была похожа на других женщин. Даже молчала она красиво. Иногда мне казалось, что она пришла из какого-то старого французского фильма, где женщины носят длинные перчатки, мужчины говорят тихо, а любовь ещё умеет быть вечной. Она была

невысокого роста, но рядом с ней все почему-то начинали говорить тише. У неё были длинные светлые кудри. Голубые глаза. Белая кожа. И этот запах. Дорогие духи, смешанные с сигаретным дымом. Запах, который навсегда останется для меня запахом дома.

Она называла себя наполовину грузинкой, наполовину мировой. — Я принадлежу красивым местам, — говорила она. И я ей верил. Потому что рядом с ней даже обычная кухня казалась Парижем.

Бабушка почти никогда не повышала голос. Ей это было не нужно. У неё был особенный взгляд.

Когда она смотрела на человека, казалось, будто видит его насквозь. Иногда мне было страшно от этого. Особенно в детстве. Я не мог ей соврать. Она всё чувствовала. Абсолютно всё.

Помню один вечер. Мне было около пяти лет. Дедушка

уехал куда-то по делам, а мы остались дома вдвоём. За окном шёл дождь. Бабушка стояла у открытого окна на кухне и курила. Я тогда ещё не знал, что она скрывает это от дедушки. Она заметила меня и быстро спрятала сигарету за спину.

— Заз... — тихо

сказала она. — Только дедушке не говори. Я серьёзно кивнул. Она засмеялась. Потом наклонилась ко мне и прошептала: — Это наш секрет. После каждой сигареты она брызгала на себя Chanel. Очень много.

Будто духи могли стереть следы усталости, боли и дыма. Через несколько минут домой вернулся дедушка. Посмотрел на неё. Потом на меня. Потом спокойно сказал: — Опять твои духи пахнут сигаретами. Я замер. А бабушка начала смеяться так сильно, что чуть не уронила чашку кофе. Только спустя годы я понял: дедушка всё знал. Просто любовь иногда делает вид, что ничего не замечает.

Больше всего на свете бабушка любила создавать одежду. Не покупать. Не коллекционировать. Именно создавать. Её мастерская находилась на втором этаже дома. Это была моя любимая комната. Большой деревянный стол. Ткани. Коробки с пуговицами. Нитки всех цветов мира.

И свет. Очень много мягкого вечернего света. Я часами сидел рядом и смотрел, как она рисует эскизы. Её руки двигались медленно и уверенно. Иногда мне

казалось, что она не шьёт одежду, а создаёт новых людей.

— Одежда — это броня, — говорила она. — Мир сначала

видит твой силуэт, а уже потом твою душу. Эту фразу я тоже запомнил навсегда. Потому что позже моя внешность действительно станет моей бронёй. И одновременно — ловушкой.

Она шила для себя. Для подруг. Для богатых женщин. Но больше всего ей нравилось шить для меня. Каждая новая вещь становилась целым событием. Она могла несколько дней выбирать ткань только потому, что «этот оттенок недостаточно благородный». Я тогда даже не понимал значения половины её слов. Но слушал внимательно. Мне нравилось наблюдать за ней.

Она превращала обычные вещи в искусство. Даже утренний кофе. Даже сигарету. Даже молчание.

Иногда по вечерам она включала старую музыку. Французские песни. Медленные. Грустные. Она курила у окна и тихо подпевала. А я лежал на диване и слушал её голос. — Почему все красивые песни такие грустные? — однажды спросил я. Она долго молчала. Потом ответила: — Потому что самые красивые люди всегда немного сломаны внутри. Тогда я не понял. Я был

ребёнком. Дети думают, что грусть — это что-то временное. Как дождь. Они ещё не знают, что некоторые люди носят свою печаль всю жизнь.

Для меня бабушка была всем. Матерью. Другом. Домом. Когда в школе спрашивали: «Кого ты любишь больше всего?» — я всегда отвечал: — Бабушку. И это была абсолют-

ная правда. Я был её ребёнком. А она
— моей религией.

ГЛАВА III

Мальчик в кителе Моё детство проходило красиво. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: это была та редкая, хрупкая красота, которую человек способен оценить только после потери. Пока ты счастлив — ты не замечаешь счастья. Ты думаешь, что так будет всегда.

Когда мне исполнилось семь лет, бабушка отвела меня в католическую гимназию. Старинное здание с высокими окнами и длинными холодными коридорами.

Школа казалась мне огромной. Повсюду были кресты, строгие учителя и запах старых книг. Catholic Church будто присутствовала в каждом углу этого места. Там любили дисциплину. Тишину. Порядок. Но я с самого детства был другим.

В гимназии все мальчики носили одинаковую форму: тёмный пиджак, белую рубашку и строгие брюки. Я ненавидел этот пиджак. Он казался мне чужим. Обычным. Безликим. Однажды вечером я подошёл к бабушке, пока она работала в своей мастерской. — Я не хочу носить такую форму, — сказал я. Она даже не удивилась. Только подняла глаза от ткани и спокойно спросила: — А какую ты хочешь? Я задумался. Потом ответил:

— Красивую. Она долго смотрела на меня. И вдруг улыбнулась той самой улыбкой, после которой всегда происходи-

ло что-то важное. — Хорошо, mon ange. Давай сделаем тебя особенным.

Несколько дней она почти не выходила из мастерской. Повсюду лежали ткани. Эскизы. Чёрные пуговицы. Я наблюдал за ней как зачарованный. И вот

однажды утром она позвала меня. На кровати лежал чёрный китель. Идеальный. С серебряными пуговицами. С красивым воротником. Сшитый так, будто предназначался для героя старого фильма. — Ну что, monsieur Zaz? — спросила бабушка. — Готов покорять мир? Я был самым счастливым ребёнком на земле.

В тот день вся школа смотрела на меня. Некоторые дети смеялись. Некоторые восхищались. Учителя переглядывались.

А я впервые почувствовал странную вещь: мне нравилось выделяться. Нравилось быть другим. Нравилось чувствовать на себе взгляды. Это ощущение позже станет очень опасным. Но тогда я был просто мальчиком в красивом кителе.

Учился я хорошо. Особенно любил литературу и рисование. Я обожал всё, что связано с искусством. Картины. Музыку. Кино. Мир красоты казался мне безопаснее реального мира. Единственным предметом, который я ненавидел, была математика. Цифры казались мне холодными. Мёртвыми. Учитель математики однажды сказал: — Заз, ты живёшь слишком эмоциями. А бабушка вечером ответила на это: — И слава Богу.

Кроме школы, я занимался фортепиано. Наш старый рояль стоял в гостиной возле окна. Чёрный. Блестящий. Иногда по вечерам я играл, а бабушка сидела рядом с бокалом вина и слушала. Она никогда не хлопала после музыки. Просто молчала несколько секунд. А потом тихо говорила: — Ещё. Это было лучше любых аплодисментов.

Я рос очень чувствительным ребёнком. Слишком чувствительным. Меня ранили вещи, на которые другие дети даже не обращали внимания. Чужой тон. Чужой взгляд. Чужая холодность. Я быстро научился скрывать эмоции. Улыбаться, когда больно. Молчать, когда страшно. Позже именно это спасёт мне жизнь.

К двенадцати годам я уже сильно отличался от других мальчиков. Высокий. Худой. С кудрявыми волосами. Во мне смешалась французская и грузинская внешность. Люди часто смотрели слишком долго. Особенно взрослые. Тогда я ещё не понимал почему.

Однажды после школы бабушка внимательно посмотрела на меня и сказала: — Тебе нужно быть осторожным. — Почему? Она поправила мой воротник. И ответила: — Красивых людей этот мир либо обожает... либо уничтожает. Я засмеялся. Мне казалось, что она

преувеличивает. Я был ребёнком. Я ещё не знал, насколько жестокими могут быть взрослые.

Иногда ночью я просыпался и спускался на кухню.

Бабушка сидела у окна и курила. На столе стоял холод-

ный кофе. За окном шёл дождь. Она смотрела на меня своими голубыми глазами и тихо говорила: — Заз... ты цветок в угольной шахте. Тогда я не понимал этих слов. Мне казалось, это просто красивая фраза. Но однажды я узнаю: угольная шахта — это не место. Это люди.

ГЛАВА IV

Цветок в угольной шахте Мне было четырнадцать лет, когда я впервые начал понимать, что отличаюсь от других не только внешностью. Подростковый возраст приходит внезапно. Однажды утром ты ещё ребёнок, который играет на пианино и спорит с бабушкой из-за слишком короткой стрижки. А потом вдруг начинаешь замечать взгляды. Чужие руки. Интонации. Молчание после некоторых фраз. И самого себя.

В четырнадцать лет человек впервые встречается со своим одиночеством. Особенно если он не похож на остальных. Я долго не понимал, кто я. Мне нравились девушки. Но иногда я ловил себя на том, что слишком долго смотрю и на мальчиков. Меня это не пугало. Скорее удивляло. Будто внутри меня существовала какая-то другая страна, о которой никто не рассказывал в школе. В католической гимназии такие темы вообще не существовали. Там всё делилось только на правильное и неправильное. На белое и чёрное. Но моя душа никогда не была чёрно-белой.

Помню один октябрьский вечер. Во Франции осень пахнет особенно. Мокрыми листьями. Старым камнем. Дождём. Я сидел на полу в своей комнате и рисовал. За окном ветер качал деревья, а где-то внизу бабушка слушала старую французскую музыку.

Мне было тревожно. Без причины. В четырнадцать лет тревога вообще приходит без причины. Я спустился вниз. Бабушка сидела на кухне в длинном сером свитере, с сигаретой в руке и бокалом красного вина. В доме горел только тёплый свет над столом. Она сразу заметила моё состояние. — Что случилось, mon ange? Я долго молчал.

Настолько долго, что она затушила сигарету и полностью повернулась ко мне. — Заз? Мне казалось, если я сейчас скажу это вслух — мир изменится. И он действительно изменился. — Мне нравятся и девушки... и мальчики. Тишина. Я слышал, как за окном стучит дождь по подоконнику. Слышал тиканье часов. Слышал собственное сердце. Бабушка смотрела на меня спокойно. Без шока.

Без страха. Без отвращения. Только с грустью. Будто она заранее знала, насколько тяжёлой станет моя жизнь. Потом она медленно взяла меня за руку. И сказала: — Заз... главное в жизни — любовь. А кого любит человек, не имеет значения. Я заплакал. Не потому что мне было страшно.

А потому что впервые почувствовал: меня не пытаются изменить.

В ту ночь мы долго сидели на кухне. Она курила. Я пил горячий шоколад. За окнами шумел дождь. — Люди будут пытаться сломать тебя, — тихо сказала она. — Почему? — Потому что мир боится тех, кто не похож на остальных. Она внимательно посмотрела на меня своими голубыми глазами. — Но никогда не стыдись сво-

ей души.

Эти слова позже спасут меня. Много раз.

После этого разговора между нами будто исчезли последние стены. Я рассказывал ей всё. Про школу. Про страхи. Про первую влюблённость. Даже про вещи, которые не смог бы рассказать никому другому. Иногда мне казалось, что она понимает меня лучше, чем я сам.

К этому времени моя внешность сильно изменилась. Я быстро вырос. Слишком быстро. В пятнадцать лет мой рост уже приближался к ста девяноста сантиметрам. Худой. Длинные руки. Кудрявые волосы. Бледная кожа. Люди постоянно говорили про мои глаза. — У тебя взгляд взрослого человека, — повторяли многие. И губы.

Почему-то все всегда говорили про мои губы. Это раздражало меня. Но бабушка только смеялась. — Привыкай. Красота всегда становится центром внимания.

Интернет тогда уже начал менять жизни людей. Социальные сети только набирали силу, но для подростков они уже становились отдельным миром. Я выкладывал фотографии. Иногда рисунки. Иногда видео

с фортепиано. И неожиданно люди начали обращать на меня внимание. Сначала сотни подписчиков. Потом тысячи. Сообщения приходили каждый день. На французском. На английском. На русском. «Ты очень красивый». «У тебя внешность модели». «Ты должен сниматься».

В четырнадцать лет такие слова действуют как наркотик.

Особенно на человека, который всю жизнь чувствовал себя «другим».

Бабушка относилась к моей популярности странно. С одной стороны, ей нравилось, что мной восхищаются. С другой — я замечал тревогу в её глазах. Однажды вечером она зашла ко мне в комнату, пока я отвечал на сообщения. — Осторожнее с людьми из интернета. — Почему? Она присела рядом. — Потому что некоторые люди умеют видеть чужую пустоту. — И что? Она долго смотрела на экран телефона. Потом тихо сказала: — А потом заполняют её собой. Тогда я снова не понял её. Мне казалось, взрослые слишком драматизируют жизнь. Мне казалось, плохие вещи происходят где-то далеко. С кем-то другим. Не со мной.

В тот период я начал всё чаще смотреть на себя в зеркало. Не из-за любви к себе.

Скорее из-за ощущения странности. Я пытался понять, почему люди так реагируют на мою внешность. Иногда я стоял перед зеркалом по десять минут и думал: «Что они вообще видят?» Бабушка однажды застала меня за этим. — Никогда не влюбляйся в собственное отражение, Заз. — Почему? Она подошла ближе. Провела рукой по моим волосам. И тихо ответила: — Потому что самые страшные люди — те, кто однажды поймут силу своей красоты. Тогда я рассмеялся. А она — нет.

ГЛАВА V

Сейчас люди рождаются в интернете почти так же, как когда-то рождались в обычной жизни. Сначала появляется фотография. Потом имя. Потом чужие взгляды. А уже потом — сам человек.

Мне было пятнадцать, когда интернет начал медленно съедать мою реальность. Тогда это казалось красивым. Даже волшебным. Ты выкладываешь фотографию — и вдруг люди из разных стран начинают писать тебе так, будто знают тебя всю жизнь. Для подростка это опьяняет. Особенно если внутри него всегда жило чувство одиночества.

Моя страница росла очень быстро. Сначала это были обычные школьные фотографии. Я возле рояля. Я в длинном чёрном пальто. Я на улицах Angers. Людям нравилась моя внешность. Французская меланхолия. Грузинские черты. Слишком взрослый взгляд для подростка. Мне тогда казалось, что всё это просто игра. Красивый цифровой театр. Но интернет никогда не бывает просто игрой. Особенно для детей.

Со временем сообщения начали становиться страннее.

Взрослые люди писали мне комплименты. Очень взрослые люди. Иногда мужчины. Иногда женщины. Они говорили так, будто я уже давно не ребёнок. Сначала меня это смущало. Потом стало нравиться. Подросток

быстро привыкает к восхищению. Особенно если в обычной жизни он часто чувствовал себя чужим.

Я помню своё первое «сотрудничество». Так это тогда называли. Мне написал один фотограф из Paris. У него была красивая страница. Модели. Чёрно-белые фотографии. Люди в дорогой одежде. Он сказал, что у меня «редкое лицо». Бабушка сначала не хотела отпускать меня. — Интернет врёт, — сказала она. — Не все люди плохие. Она долго молчала.

Потом ответила: — Самые опасные люди обычно выглядят очень красиво. Но в итоге согласилась. При одном условии: она поехала со мной.

Мы приехали в Paris ранним утром. Я никогда не забуду тот день. Холодный воздух. Запах кофе и метро. Мокрые улицы после дождя. Париж выглядел как кино. Мне казалось, будто моя жизнь наконец начинает становиться чем-то большим. Фотограф оказался очень вежливым мужчиной лет сорока. Слишком вежливым. Теперь я умею замечать такие вещи. Тогда — нет. Он постоянно говорил о моей внешности. О коже. О глазах. О губах. Смотрел слишком внимательно. Но

пятнадцатилетний мальчик ещё не понимает разницу между

профессиональным интересом и опасным вниманием.

Съёмка проходила в огромной квартире с высокими потолками. Белые стены. Чёрный рояль. Дорогие книги. Я

чувствовал себя героем арт-хаусного фильма. Мне делали укладку. Поправляли одежду. Просили смотреть в камеру «чуть более грустно». Люди вокруг казались взрослыми, красивыми и уверенными в себе. Я хотел быть похожим на них. Это была моя первая ошибка.

После съёмки фотограф долго разговаривал с бабушкой. Я помню, как они стояли возле окна. Она курила. Он улыбался. Их разговор выглядел спокойным, но дома, уже ночью, бабушка неожиданно сказала: — Никогда не позволяй людям покупать твоё молчание. Я не понял. — В смысле? Она посмотрела на меня очень серьёзно.

— Красивые дети часто становятся товаром, Заз. Мне стало не по себе. — Ты преувеличиваешь. Она грустно улыбнулась. — Хотела бы я ошибаться.

После той поездки всё изменилось ещё сильнее. Подписчиков стало намного больше. Мне начали писать модельные агентства. Фотографы. Стилисты. Люди из других стран. Некоторые сообщения приходили ночью. Особенно часто — из Moscow. Тогда Москва казалась мне чем-то далёким и красивым. Городом роскоши. Больших денег. Закрытых вечеринок. Я видел фотографии: огромные квартиры, чёрные машины, дорогие рестораны. Мне казалось, что это другой мир. Мир взрослых, красивых и свободных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.